

Т. А. Снигирева

СВЕРДЛОВСК ВОЕННЫХ ЛЕТ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

doi:10.30759/1728-9718-2023-3(80)-65-73 УДК 94(470.5)“1941/1945”:82.0 ББК 83.3(235.55)+63.3(235.55)622

С учетом опыта создания образа Урала в литературе военных лет в статье исследуется, какими путями в последующие десятилетия происходило не только закрепление, но и углубление, уточнение как общей картины, так и конкретных деталей жизни и судьбы столицы Урала в годы войны. Основными методами филологической реконструкции меняющегося образа Свердловска военных лет стали историко-функциональный и жанровый. Показано, что существенно меняется жанровая палитра изображения: публицистическая проза, доминирующая в годы войны, дополняется жанрами устных рассказов, литературно обработанных или запечатленных в авторском изводе, а также разнообразными вариантами мемуарной и автобиографической литературы, главной задачей которых становится задача запечатления и тем самым сохранения памяти. Отмечено, что между конкретной личной памятью пережитого и сложившейся системой официально-государственной памяти войны образуются сложные отношения диалога, строящегося и по принципу полного взаимопонимания, когда речь идет о сплочении вокруг лозунга «Всё для Победы», и по принципу существенного дополнения, когда свидетели будней Свердловска военных лет вспоминают, какова лично для них была цена Победы. Разная жанровая оптика — варианты эго-документов, мемуарная литература и литература художественная, созданная очевидцами разных возрастов и социальных статусов, коренными жителями города и эвакуированными — позволяет сформировать и многогранный, и цельный образ Свердловска.

Ключевые слова: *Свердловск, эвакуация, война, личная память, устное свидетельство, мемуары, повести о военном детстве*

В годы Великой Отечественной войны возникает и закрепляется в общероссийском/советском общественном сознании особый статус Свердловска как города — кузнеца Победы, города эвакуированных, города, ставшего культурным и научным центром,¹ столицей Урала, опорного края воюющей державы. Начало создания образа приходится уже на первые месяцы войны и находит выражение в публицистической и художественной прозе журналистов и писателей, приезжавших в командировку или эвакуированных на Урал. Основные идеи сколь закономерны, столь и очевидны: трудовой героизм тыла сродни воинскому, Урал становится краем многонационального единства советского народа, испыты-

вание эвакуацией выдержали как уехавшие от оккупации, так и принявшие обездоленных людей. Так, в документально-публицистическом очерке Льва Кассиля «За одним столом» (1942) главная героиня Александра Петровна Покосова принимает в свой небольшой дом дочь и внучку Фаню, успевших уйти из Минска (зять, Абрам Исаевич, ушел добровольцем на фронт), приехавшую из Днепропетровска сноху с сынишкой Тарасиком, подругу дочери крымскую татарку с четырехлетним Юсупиком, отец которого остался в партизанском отряде крымчан. Национальность героев обозначается не только географическим указанием и характерным именем, но и через произношение детей: «Баба Шура», «Бэбэ Шурэ», «Бабо Шура». Для всех незнакомя женщина становится родной бабушкой. Л. Кассиль, будучи уже зрелым мастером, не побоялся показать недобрый взгляд соседки: «Да уж больно у тебя они какие-то... на все фасоны. Тебе бы еще для полного подбора грузинца заиметь али с Азии киргизенка какого. Что это у вас за род такой, все племена перепутали».² В финале очерка визуальные этнические различия,

¹ О размещении на разных площадках города промышленных предприятий со всей страны широко известно. Отметим, что также в Свердловск были эвакуированы важнейшие институты культурно-просветительского, научно-образовательного характера, среди них крупные издательства (Госполитиздат, Профиздат), Академия наук СССР, Центральный театр Советской Армии, Киностудия художественных фильмов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Снигирева Татьяна Александровна — д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет; в.н.с. Центра истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: tas0905@rambler.ru

² Кассиль Л. А. Рассказы // Урал грозный: [сб.]. Челябинск, 1982. С. 277. Впервые рассказ был опубликован почти одновременно в центральном и региональном издательствах в книгах «Линия связи» (М., 1942), «Семь рассказов» (Свердловск, 1942).

способные вызвать бытовые, но по сути ра-систские реплики, снимаются общностью доб-роты и человечности, которые маркируются советскостью: «Ну, улеглись мои народы, — тихо говорит Александра Петровна и поправ-ляет огромное цветастое лоскутное, похожее на громадную географическую карту, одеяло, под которым, уложенные поперек широчен-ной кровати, ровно дышит украинец Тарасик, москвич Игорьь, минчанка Фаня, севастополь-цы Светлана и Юсуп».³

Во время войны возникает и еще один мо-тив, также разрабатываемый авторами, смот-рящими на регион и город взглядом «со сто-роны»: Урал дает фронту воинов особого склада — сдержанных, немногословных и невероятно мужественных. В предисловии к рассказу «Уралец» (1943) Лев Славин заме-чает: «Главный герой моего рассказа — сбор-ный образ фронтовиков-уральцев, которых я близко знал в дни боев на первом Белорусском и Волховском фронтах».⁴ В портрете героя (впрочем, как и в его фамилии) Денисе Чер-торогове подчеркнута его чуть ли не инфер-нальная непохожесть на всех: «...та же повели-тельная плавность движений, та же величаява замкнутость лица. Посреди ослепительного волчьего оскала — та же темная пустота на месте зуба, вышибленного некогда кулачным приемом, который у них на Урале называется “салазки”».⁵ Автор откровенно романтизирует образ, делает акцент на его исключительность, особость (он Другой, не такой, как обычные воины), дает прямую аллюзию к куперовским индейцам: Черторогов обладает иными зна-ниями и повадками, появляется молча из ни-откуда в самый напряженный момент, совер-шает подвиг, спасает всех и исчезает вновь. Л. Славин описывает обаяние брутальности: «Я тоже посмотрел на новобранца, и по его могучим рукам, спокойно сложенным на про-сторной груди, по надменному хладнокровию скуластого лица, по угрюмому блеску отваги в узких глазах я тотчас узнал бессмертную и не-укротимую породу уральских гордецов»;⁶ на-стаивает на «особом роде уральского угрюмого азарта»: «Тот, кто видел в боях за Москву пол-ки, составленные из уральцев, никогда не забу-дет молчаливой свирепости, с какой они шли в

атаку и на штурмы. Их родичи, оставшиеся в тылу, перекачали свое яростное усердие в ли-тье пушек и обточку снарядов. А ведь по пер-вому взгляду уралец может и не понравиться сумрачным стилем своего обхождения».⁷ Один из самых популярных и любимых фильмов во-енных лет «Два бойца» (1943), снятый по по-вести Л. Славина «Мои земляки» режиссером Л. Луковым, с песнями в исполнении М. Бер-неса («Темная ночь» и «Шаланды, полные кефали»), поддержал и сделал устойчивым восприятие особого характера уральского во-ина, простого Саша с Уралмаша, верного в дружбе и неукротимого в бою. Ту же функцию создания образа Урала, но уже с точки зрения подвига тыла, выполнил фильм, также неве-роятно популярный, «Большая земля» (1944), режиссера С. Герасимова. Действие происхо-дит на Урале осенью–зимой 1941 г., кинемато-графический сюжет — эвакуация Ленинград-ского завода, столкновение/узнавание/диалог двух рабочих ментальностей — питерской, быстрой, не без столичной самоуверенности, и свердловской, неторопливой, исполненной природного достоинства уральского мастера. Представлен и первый кинематографический образ уральской женщины — уралочки, краси-вой, сильной, не боящейся трудностей, верной, самоотверженной и неприступной (актриса Т. Макарова). Думается, прав Борис Рябинин, писавший «слово “Урал” стало в те годы симво-лом трудолюбия нашего народа, силы и мощи советской державы, синонимом любви и безза-ветной преданности Родине. Было почетно на-зываться уральцем».⁸

В последующие десятилетия происходило не только закрепление, но и углубление, уточ-нение, нюансировка как общей картины, так и конкретных деталей жизни и судьбы сто-лицы Урала в годы войны. Существенно ме-няется жанровая палитра изображения: пуб-лицистическая проза дополняется жанрами устных рассказов,⁹ литературно обработанных или зафиксированных в авторском изводе, а также разнообразными вариантами мемуар-ной и автобиографической литературы. Глав-ной задачей становится задача запечатления и тем самым сохранения памяти. Например, актуализация столь нетрадиционного жанра,

³ Там же. С. 228, 229.

⁴ Славин Л. И. Уралец // Урал грозный. С. 485. Впервые рассказ был опубликован в газете «Известия» 25 сентября 1943 г.

⁵ Там же. С. 487.

⁶ Там же. С. 503.

⁷ Там же. С. 491.

⁸ Рябинин Б. Ушедшее — живущее... Книга воспоминаний. М., 1985. С. 15.

⁹ Безусловным образцом данного жанра на Урале стала кни-га: «Главная в жизни роль...» / литературная запись Н. Коля-ды. Екатеринбург, 1995. (Театральные мемуары).

как зафиксированное устное свидетельство, происходит, как правило, в те периоды национальной истории, когда, во-первых, обществу необходимо осмысление прошлого как особого (чаще всего трагического) опыта, во-вторых, когда государству требуется интенсифицировать коллективную память для решения своих проблем.¹⁰

Фиксация автобиографических рассказов нередко инициируется крупными заводами, правительственными или общественными организациями — в результате своеобразного социального заказа появляются специальные издания, чаще всего к юбилейным датам страны, города, завода. Специфика таких книг (на материале Уралмаша) скрупулезно и убедительно исследована Н. Б. Граматчиковой.¹¹ Книга, в которой под одной обложкой собраны очерки, воспоминания, письма, дневники, автобиографические рассказы и записи «Мы приближали Победу. Очерки. Воспоминания. Письма» (Екатеринбург, 2000), изданная к юбилейной дате, со всей очевидностью показывает, что между конкретной личной памятью пережитого и сложившейся системой государственной официальной памяти образуются сложные отношения диалога, строящегося и по принципу полного взаимопонимания, когда речь идет о сплочении вокруг лозунга «Всё для Победы», и по принципу существенного дополнения, когда свидетели будней Свердловска военных лет вспоминают, какова лично для них была цена Победы. Дополняющий взгляд становится особенно убедительным, поскольку коллектив редколлегии книги, собиравший свидетельства, был явно нацелен на максимальную широту в отборе респондентов. Поколенческий срез охватывает представителей всех поколений, активно вовлеченных в труд во имя Победы: это не только взрослые, но и бывшие студенты, и школьники, посылно (порой непосильно) участвовавшие в общем деле. Разнообразен социальный статус авторов воспоминаний: это директора крупнейших заводов, рабочие, партработники, учителя, врачи, деятели культуры, науки, об-

разования. Для полноты картины памяти повседневности важно и то, что в книге представлен взгляд тех, для кого Свердловск — родной город, и эвакуированных в него, попавших на Урал в результате всеобщей беды.

Разделение «местные — эвакуанты» чрезвычайно важно для свидетельств быта и бытия города времен войны, поскольку определяет двойную оптику: взгляд, фиксирующий кардинальные изменения в привычном укладе жизни, и взгляд, сконцентрированный на восприятии и оценке нового (чужого) жизненного уклада. Пожалуй, многие из эвакуированных могли подписаться под признанием Майи Плисецкой, сделанном во фрагменте воспоминаний военного времени: «И путешествие поездом, и житье в Свердловске были сплошными мытарствами. Но так мучилась вся страна, и я не ропщу».¹²

В «Записках детского поэта», книге мемуарного характера, Агния Барто, не скрывая своих «мытарств» эвакуации, не уставая удивляться холодному свердловскому лету и поздней уральской весне («Только в мае сошел снег, и на плотине сняли дощечку с объявлением: “Лед тонкий, ходить опасно”»),¹³ все же признается: «Прощаюсь со Свердловском. Постояла вчера на плотине, посидела на своей скамейке... Завтра пойду прощаться со свердловчанами. Многим должна я сказать спасибо».¹⁴ Возможно, и под этой фразой подписались бы многие, уехавшие из Свердловска, как только это стало возможным.

Безусловно, между местными жителями и эвакуированными не могли складываться безоблачные отношения, особенно в быту или в особой — творческой — среде. Более подробно о разнообразии сюжетов «эвакуированные — коренные жители» позволим себе сказать ниже. Сейчас заметим, что в мемуарной литературе, созданной в последней трети XX в., «внутренний редактор» (определение А. Твардовского) был много слабее, нежели в предыдущие десятилетия. Вспоминалось то, что ранее было под запретом. Например, при издании литературно-художественного сборника «Говорит Урал» во время войны цензура чувствовалась: «В самый последний момент, уже после выхода сигнального экземпляра, едва не сорвалось все. Кому-то не понравился один рассказ. В рассказе, написанном от лица эвакуированного,

¹⁰ См. об этом подробнее: Снигирева Т. А., Подчиненов А. В. Устные истории о войне (по материалам книги «Главная в жизни роль...») // Запечатленная Победа: ключевые образы, концепты, идеологемы (Литературные события и феномены XX века). СПб.; Воронеж, 2016. С. 61–65.

¹¹ См.: Граматчикова Н. Б. Непридуманные истории, под сказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми / сост. И. Н. Демченко. Екатеринбург, 2013. 200 с.: [рец.] // Русский архив. 2015. Vol. 7, iss. 1. С. 64–72.

¹² Плисецкая М. Я, Майя Плисецкая... М., 1995. С. 74.

¹³ Барто А. Записки детского поэта. М., 1976. С. 148.

¹⁴ Там же. С. 152.

действительно содержались неудачные выражения: приезжий — озябший, промокший под дождем до нитки, только что с поезда — стоит и размышляет, глядя на все через пелену падающей воды: серый город, серые люди... Это было обидно, незаслуженно для города, который приютил, обогрел столько народа, вынес на своих плечах такие тяготы. Пришлось делать выдержку».¹⁵

Следующая жанровая группа текстов, в которой запечатлены свидетельства о военном Свердловске — автобиографическая проза.¹⁶ Это преимущественно произведения тех писателей, чье детство пришлось на годы войны. Произведения Сергея Бетёва, Владимира Блинова, Алексея Решетова, Майи Никулиной¹⁷ — двухвременные: в них воспроизводится чистое, не отягощенное взрослыми нормами и стереотипами восприятие катастрофического состояния общества, с неременной рефлексией, предпринятой с точки зрения иного времени и опыта.

Столь разная жанровая оптика — варианты эго-документов, мемуарная литература и литература художественная, созданная очевидцами разных возрастов и социальных статусов, коренными жителями города и эвакуированными, дают — и это странно только на первый взгляд — и многогранный, и цельный образ Свердловска.

Уже к началу осени 1941 г. Свердловск стал городом-заводом. Заводы «с колес» разворачивались в церквях, складах, школах, вузах, клубах и просто под открытым небом: «Уктус, — вспоминает Морозова, одна из рабочих, приехавшая с эвакуированным заводом, — шестиэтажное здание с выбитыми стеклами, кое-где деревянные лестницы. Зашли в цех и увидели, что там уже работают. Это 10 декабря 1941 года!»¹⁸ Б. Рябинин свидетельствует: «В первую очередь требовалось разместить оборонные предприятия (а на оборону тогда работали все, даже самые “мирные”), их выгружали и тут же, с ходу, они разворачивали производство — в старых бараках, в недостро-

енных помещениях, зачастую под открытым небом, несмотря на приближение зимы».¹⁹

К началу зимы Свердловск превращается в город-госпиталь. Так, развертываются госпитали в известном здании «Мадрид» на Уралмаше, в Доме промышленности и, конечно, в зданиях, которые к началу войны уже были медицинскими учреждениями, например, в Банковском переулке, 6. Лето сорок второго года еще раз изменило лицо города: его улицы, площади, переулки, окраины и центр превращались в огороды: «Картошка росла всюду — в парках, скверах, во дворах, на огромном пространстве от вокзала до Уралмаша (никаких домов там тогда не было), от Восточной до УПИ... Картошку нужно было беречь, ухаживать за ней, окучивать, полоть, наконец, просто сторожить, особенно в конце июля и начале августа, когда она уже поспевала»;²⁰ «На центральных улицах Свердловска в газонах росли картофель, овощи. Огородничество в те годы тесно вошло в быт, им занималось все население».²¹ Рабочие заводов вспоминают о лозунге «Каждой семье — свой огород, своя картошка», который висел во многих цехах рядом с лозунгом «Все для фронта, все для победы!».

Еще одна примета военных лет — очереди, «молчаливые злые очереди» (В. Блинов), особенно бросающиеся в глаза на фоне опустевших улиц первых месяцев войны (мужчины ушли на фронт, женщины — на заводы). В сентябре уже были введены карточки на хлеб. Георгий Шантин в очерке «Штрихи из жизни города», сделанном как коллаж из писем, зафиксированных устных историй и выдержек из дневников свердловчан, приводит свидетельство М. Н. Шепелевой: «На улицах, в очередях люди какие-то почерневшие, серые, худые. Отчаяние в глазах. Но не помню ругани, оскорблений. Настроение отчаяния — как пережить такое и в то же время перетерпеть, работать, чтобы скорее кончилась война...»²² Думается, нет смысла упрощать картину. Виталий Волович, художник трагического мироощущения, встретивший войну подростком, вспоминает, как по воскресным дням в «битком набитом трамвае», среди «потных, спрессованных давкой пассажиров» ездил рисовать на толкучку, «большой грязный пустырь»,

¹⁵ Там же. С. 165.

¹⁶ См. серьезные исследования, обращенные к анализу детской памяти войны: Созина Е. К. Повести о детстве в современной прозе Урала // Детская литература сегодня. Екатеринбург, 2010. С. 108–118; Она же. Автобиографический нарратив и его мотивы в прозе современных писателей Урала // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2012. С. 246–263.

¹⁷ См.: Повести о военном детстве: сборник повестей. Екатеринбург, 2015.

¹⁸ Мы приближали Победу. Очерки. Воспоминания. Письма. Екатеринбург, 2000. С. 120.

¹⁹ Там же. С. 103.

²⁰ Никулина М. Наш двор // Повести о военном детстве. С. 101.

²¹ Рябинин Б. Указ. соч. С. 171.

²² Мы приближали Победу... С. 381.

где распростерлась «серая масса, обвешанная потертыми вещами», продающая «старое тряпье», шныряют «карманники, которых забивают смертным боем сапогами», сидят «слепой звонарь Михайловской церкви в застиранной гимнастерке, нищие, сгорбленные старухи, увечные, безногие мужики... Дети, грязные, с почерневшими лицами, выпрашивали милостыню...»²³

Город быстро заполнился «другими» людьми: «Обстановка в городе резко изменилась. Как-то моментально все стало по-другому. Начиная с того, что появилось много незнакомых людей. Вообще-то, всегда встречались незнакомые... Но тут какие-то незнакомые незнакомцы, сразу угадывались приезжие. Помнится, зашла на телеграф и сразу почувствовала: нездешние люди. Это стали прибывать эвакуированные из разных городов страны. Заводы, учреждения, театры, наркоматы... И люди, люди, люди...»²⁴ В какой-то момент в городе появились люди, искалеченные войной: «Инвалиды появились уже после эвакуированных и беженцев. Особенно мы жалели тех, кто от ран потерял зрение — мы никогда не говорили “слепые” — у них были синие, в мелких частых рытвинах, лица и плотно, плоско закрытые глаза, и видно было, что под веками нет глазных яблок. Все это смущало нас, мы понимали, что не можем им помочь. А вот с теми, что остались без ног — их было много больше, — мы довольно быстро сошлись и даже подружились».²⁵ Еще позже, ближе к концу войны, город наполняется пленными немцами, которых можно было встретить в разных районах города: «...они строили дома во Втузгородке, за Шарташским рынком и на улице Ленина, на пересечении ее с Восточной, так что мы передвигаясь по городу, видели их, идущих колоннами или работающими на огороженных заборами площадках».²⁶

Город стал многоязычным: «Иной раз на улице казалось, что приезжих больше, чем свердловчан, своеобразный уральский говор перемешивался с говором москвичей и ленинградцев, с украинской мовой, белорусской речью».²⁷

И над всем этим городом-заводом, городом-госпиталем, городом, собравшим и воб-

равшим в себя многоликость и многоголосье страны, звучал заводской гудок, символ ритмичной жизни города, его единения и общности. Образ голоса-гудка Урала возник еще в годы войны: «Затем всё — и вой метели, и шумы цехов — приглохло — начали переключаться заводы: закричал один, за ним другой, третий, переплели голоса и повели, повели... Хорошо поют на Урале в ночную непогоду гудки!»²⁸ Гудок как знак порядка жизни «звучит» во многих текстах послевоенных лет: «В 1942 году в жизни коллектива произошло еще одно знаменательное событие: на заводе стал работать гудок... Это был не просто гудок, а Нижне-Исетские куранты, возвещавшие населению Нижне-Исетска и Уктуса наступление новой эры в их жизни», — с гордостью пишет В. Курганов.²⁹

Повседневную жизнь Свердловска военных лет можно определить весьма ограниченным набором слов, чаще всего встречающихся в текстах очевидцев тех лет: голод, холод, теснота, работа. Об уральском холоде вспоминают все эвакуированные, причем о том, что холодно было не только на улице, на работе, но и дома: «Зимой в нашей квартире температура не поднималась выше шести градусов», — свидетельствует врач Зоя Лубегина в очерке-воспоминании «Преодоление».³⁰ О каком-то жестоким холоде войны пишут даже привыкшие к уральским зимам уральцы: «Особенно трудной была осень-зима 1941–1942 гг. И холодно, и голодно».³¹ Возможно, ощущение непреходящего холода связано не только с постоянным недоеданием, но и с невероятной усталостью. Только спустя годы Б. Рябинин позволил себе чуть сыронизировать над страхом приезжих перед лютой зимой уральской зимы: «Москвичи, не знавшие близко Урала, поначалу опасались уральских морозов. Оказалось, однако, что уральский мороз совсем не так страшен. Сухой, здоровый, он даже стал нравиться», — и сразу же приводит пример железной и нестигаемой Мариэтты Шагинян, которая «откровенно восхищалась уральской зимой. “Мы ее боялись, говорила она. — Оказалось, очень

²³ Волович В. Мастерская. Записки художника. Екатеринбург, 2017. С. 49.

²⁴ Хоринская Е. Е. Я вспоминаю... Екатеринбург, 2009. С. 63.

²⁵ Никулина М. Указ. соч. С. 100.

²⁶ Там же. С. 118.

²⁷ Барто А. Указ. соч. С. 136.

²⁸ Ляшко Н. Яма и разутый «Битюг» // Урал грозный. С. 266.

²⁹ Мы приближали Победу... С. 21.

³⁰ Там же. С. 257.

³¹ Хоринская Е. Е. Указ. соч. С. 81. Обращает на себя внимание реплика В. Курганова, директора завода, разворачивавшего свое производство на окраине Свердловска: «Январь 1942 года выдался очень суровым. Температура в Нижне-Исетске доходила до минус 47 градусов» (Мы приближали Победу... С. 24).

хорошая, прекрасная”. Вскоре обычной стала в ее устах фраза: “У нас на Урале...”³²

Пожалуй, в каждом высказывании о Свердловске времен войны есть строки о голоде, который испытывали все — и дети, и взрослые. Г. Шантин в цитированном уже очерке-коллаже «Штрихи из жизни города» формулирует прямо: «Война — это голод».³³ Кто-то передает общее ощущение-состояние: «Жилось очень голодно». Елена Хоринская свидетельствует: «Как-то быстро исчезли все продовольственные запасы, да и было-то их совсем немного. Хлеба, что выдавали по карточкам, не хватало».³⁴ Каков был набор продуктов по рабочей карточке, по карточке служащего или студента, сколько весил кирпич черного хлеба, выпеченного пополам с картошкой и отрубями, как и то, сколько он стоил на рынке, что такое каша-завариха, каков на вкус кусок хлеба с лярдом, жиром, поставленном по ленд-лизу, помнят все. Из текста в текст, из воспоминания в воспоминание, кому бы ни принадлежали варианты запечатленной памяти — рабочему, актрисе, студенту, учителю, школьнику, директору, взрослому или ребенку, бережно хранится важнейшее ощущение военных лет — вкус хлеба. Точна формула М. Никулиной: «Хлеб был ценностью абсолютной».³⁵ Вкус военного хлеба забываем, возможно, и потому, что это был вкус жизни.

Одним из самых сложных и тягостных воспоминаний и для коренных свердловчан, и для эвакуированных стало воспоминание о тех невероятных бытовых условиях и психологических проблемах совместного существования ранее незнакомых людей, в которых приходилось жить в результате огромного наплыва людей в тыловой Свердловск: «Жилищное уплотнение достигло невиданных размахов. Если бы кто-то до войны сказал, что можно жить так, его, наверное, сочли бы за сумасшедшего».³⁶ Норма жилищной площади на одного человека в какой-то момент была 1,5–2 метра. Б. Рябинин констатирует: «...в городе не оставалось места для мыши. Жили в уборных, дровяниках».³⁷ Похоже, это не преувеличение. Приведем два свидетельства. Первое — инженера, приехавшего с заво-

дом в Свердловск: «Эвакуированные рабочие жили в большом помещении недостроенного дома с наскоро вставленными рамами, в срочном порядке сложенной кровлей. И весь этот огромный зал был разделен на небольшие секции развешанными простынями. В каждой закутке размещалась семья. Вся мебель в закутке состояла из спального места, кое у кого были табуретки, а весь скарб держали в чемоданах. Ни о какой изоляции не могло быть и речи. Но все старались не шуметь, вели себя спокойно, уважали друг друга».³⁸ Второе воспоминание — студентки, поступившей в один из свердловских вузов: «Началась наша студенческая жизнь. Поселили нас с подружкой в одной семье — в ванной комнате. На ванну положили доски, матрацы нам выдали в институте. Так и спали. Через полгода мы получили места в общежитии, в учебном корпусе. В огромной аудитории стояли кровати в два этажа, здесь поселилось 40 человек».³⁹

Естественно, отношение свердловчан к приехавшим не могло быть простым и однозначно радушным. А Барто в какой-то степени объясняла это не только житейскими сложностями, но и особенностями уральского характера: «Свердловчане преимущественно люди замкнутые, и эвакуированных они встречали сдержанно, не проявляя особых чувств. Чаще всего это было внешнее впечатление. Конечно, не каждый с готовностью раздвигал стены своего дома для чужих ему людей... Многое мне открыли слова пожилой, необщительной женщины, быт которой был нарушен поселившейся у ней семьей. Когда женщину спросили: не трудно ли ей приходится с приехавшими больными стариками, она сказала как бы вскользь: “Кругом горе, надо и мне пострадать”».⁴⁰ М. Плисецкая по прошествии многих лет не без удивления вспоминает, что люди и в таких обстоятельствах умели сохранить лицо: «В Свердловске мы разместились в квартире инженера Падучева. Его фамилию я запомнила. В тесную трехкомнатную обитель, помимо нас, исполком поселил еще одну семью с Украины. Четыре женщины, четыре поколения. Прабабушка, бабушка, мать и семилетняя дочь. Сам инженер — человек добрый и безответный — с пятью домочадцами остался ютиться в дальней третьей комнате. <...> Вы будете сомневаться, но жили мы мирно,

³² Рябинин Б. Указ. соч. С. 106, 113, 114.

³³ Мы приближали Победу... С. 375.

³⁴ Хоринская Е. Е. Указ. соч. С. 81.

³⁵ Там же. С. 103.

³⁶ Рябинин Б. Указ. соч. С. 113.

³⁷ Там же. С. 103.

³⁸ Мы приближали Победу... С. 171.

³⁹ Там же. С. 286.

⁴⁰ Барто А. Указ. соч. С. 136, 137.

подсобляли друг другу, занимали места в километровых очередях, ссужали кирпичиком хлеба в долг или трешницей до получки».⁴¹ О возможности договариваться, уживаться пишет и представитель «принимающей стороны» В. Волович: «Начало войны. Всех, кто был эвакуирован в Свердловск из захваченных немцами городов, распределяли по квартирам. “Уплотняли” — так это тогда называли. У нас реквизировали одну комнату. Жильца, которого вселили к нам, звали Василий Николаевич Коликов... Человек он был добрый. Пил только много. По должности ему полагался спецпаек, из которого изредка и нам кое-что перепало. Мама убирала у него в комнате, мыла полы, стирала».⁴² Хочется надеяться, что не слишком идеализирует ситуацию Б. Рябинин: «Вряд ли можно осуждать тех эвакуированных, кому не нравился Свердловск: уж очень непроста была жизнь; но кто понял сердцем, не только умом, все его трудности, думается, надолго сохранил о Свердловске и его коренных жителях — уральцах — теплые воспоминания».⁴³

Повесть «Наш двор» Майя Никулина начинается с утверждения: «Жизнь изменилась сразу. Прежде всего, изменился человеческий состав жизни. Мужчин стало совсем мало. Они — наши отцы, деды и старшие братья — ушли на фронт или — это те, без которых заводы обойтись не могли, — там, на заводах дневали и ночевали, особенно — в первый год. Очень скоро на завод ушли и женщины... С весны стало заметно, что по городу передвигаемся главным образом мы — домашние дети дошкольного возраста».⁴⁴ Еще одно замечание М. Никулиной: «На Урале всегда все работали».⁴⁵ Годы войны — годы изнурительного труда (от 12 до 18 часов в сутки, без выходных). Служащие и студенты после работы и учебы ночью шли на вокзал и разгружали эшелоны с ранеными, старики и дети стояли многочасовые очереди за хлебом, писатели и артисты выступали в цехах и госпиталях. Мария Викс, народная артистка РСФСР, свидетельствует: «С первых дней войны коллектив своей обязанностью считал обслуживание госпиталей. У театра был подшефный госпиталь. В выходные дни весь коллектив выходил туда — это называлось “День бойца”. Мыли окна, полы, подсоб-

ки, штопали белье. Актеры давали концерты, переходя из палаты в палату».⁴⁶ Также рассказывает она и о той боли от страданий других, которую испытала тогда и не смогла забыть: «Молодые мужчины, скорее юноши, с ампутированными голеньями, бедрами, верхними конечностями... Сколько понадобится времени, чтобы отогреть их души, вернуть к семьям, к жизни?»⁴⁷

Приведем еще одно психологически точное размышление М. Никулиной, приоткрывающее тот комплекс чувств, мыслей, убеждений, которые помогали не впасть в отчаяние, выдержать: «Люди перестали делиться на молодых и старых, красивых и некрасивых, даже на маленьких и взрослых — только на живых и мертвых, и мы, живые, сразу поняли, что надо делать все, чтобы мертвых не становилось больше, и потому надо день и ночь работать на заводе, делать снаряды и танки, а еще на дворе, в огороде, добывать еду и вообще есть, расти, выживать только ради этого».⁴⁸

Жизнь Свердловска военных лет можно увидеть по-разному. Например, так: «Реальный мир — это молодой парень, с оторванной выше колена ногой, закулеманною в задранную штанину... Он сидел у стены магазина. Перед ним на снегу крест-накрест лежали два костыля с шапкой посередине... Прохожие бросали в нее скомканые рубли и трешки... Это сводки Совинформбюро, убийства, потерянные продуктовые карточки...»⁴⁹ Но тот же В. Волович убежден в том, что «Каждое время нуждается в идеалах. А уж военное — тем более. Надо было вообразить себе совсем иной, непохожий мир, чтобы выжить в этом, чтобы не свихнуться и не принять как норму все низости, беды и ожесточение настоящего времени. Не привыкнуть к тому, что на базаре ... какой-то военный за полбуханки хлеба купил женщину... Не привыкнуть к голоду, жирным крысам, безбоязненно и неторопливо переходящим дорогу. К мертвой тишине и непроглядной темени улиц. К страху, разбою, похоронкам и арестам...»⁵⁰ Поэтому художник сберег как духовный абсолют свое невольное, но ставшее определяющим для судьбы причастие к великому искусству: «Мое прикосновение к жизни и судьбе Эрмитажа было кратким, почти

⁴¹ Плисецкая М. Указ. соч. С. 74.

⁴² Волович В. Указ. соч. С. 22.

⁴³ Рябинин Б. Указ. соч. С. 107.

⁴⁴ Никулина М. Указ. соч. С. 97.

⁴⁵ Там же. С. 101.

⁴⁶ Мы приближали Победу... С. 282.

⁴⁷ Там же. С. 281.

⁴⁸ Никулина М. Указ. соч. С. 101.

⁴⁹ Волович В. Указ. соч. С. 28.

⁵⁰ Там же. С. 29.

мгновенным, но оно, безусловно, было сакральным. Не знаю, каким образом, но мы знали, что темное и мертвое здание картинной галереи на улице Вайнера всю войну было хранилищем эрмитажных сокровищ. И нам, тогда студентам третьего курса художественного училища, предложили участвовать в отправке ценностей Эрмитажа обратно в Ленинград... Мы несли с моим другом Юрой Истратовым большой, плоский ящик. Сотрудница Эрмитажа подошла к нам и, молитвенно сложив руки на груди, прошептала: «Мальчики, бога ради, осторожнее, здесь “Блудный сын” Рембрандта»». ⁵¹

Возможно, благодаря внутренней необходимости тяготам жизни противопоставить ее духовную высоту настойчиво создается мифологизированный образ П. П. Бажова как образца поведения человека в годы испытаний, культурного героя города: «В душе этого мудрого, много видевшего человека было что-то детское, чистое»; ⁵² «Часто вы встретите на улицах Свердловска, в палатах госпиталя, на ученых сессиях невысокого старика с дремуче белой бородой, с тихим, спокойным голосом, — ему всегда все необыкновенно радуются. Бойцы любят слушать его, и каждый рабочий на заводе знает, что он сказочник Урала, старый писатель Павел Петрович Бажов». ⁵³ Особо подчеркивается умение Бажова создать атмосферу доброты и взаимопомощи, рожденной ощущением общей беды, вплоть до весьма смелого предположения: «Если бы Марина Цветаева попала к нам, на Урал, не случилось бы этой трагедии, этой нелепой смерти. Ей бы не дали погибнуть... На-

верное, это так...» ⁵⁴ Вместе с утверждением «образа патриархального типа, как бы сошедшего с картины Васнецова», ⁵⁵ (строка из приведенного Б. Рябининым письма П. П. Бажова А. И. Коца) непременно во многих воспоминаниях подчеркивается, что «сказочник Урала» полностью разделял те лишения, которые выпали на долю всех: «Многие исхудали так, что — как, например, говорили мы про Бажова — стали “светиться”». ⁵⁶

Филологическая реконструкция образа Свердловска, представленного в разножанровых текстах очевидцев жизни города военных лет — вариантах устных и зафиксированных рассказов свидетелей, мемуарной и художественной прозе, позволяет сделать некоторые выводы. Публицистическая проза, доминирующая в годы войны, выполняющая агитационную функцию, в послевоенные десятилетия дополняется жанрами устных рассказов, литературно обработанных или запечатленных в авторском изводе, а также разнообразными вариантами мемуарной и автобиографической литературы, главной задачей которых становится задача запечатления и тем самым сохранения памяти. В результате создается представление об особой атмосфере города, в которой соединилась горечь и вера. В условиях, когда чувства вражды и ненависти были однозначно направлены вовне, бытовое неприятие чудовищных условий жизни нередко снималось благодаря пониманию ценности доброжелательных отношений, взаимопомощи и взаимовыручки, непротиворечивого существования в локальном пространстве города.

Tatyana A. Snigireva

Doctor of Philological Sciences, Ural Federal University; Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: tas0905@rambler.ru

THE WAR YEARS OF SVERDLOVSK THROUGH THE WITNESSES EYES

Taking into account the experience of creating an image of the Urals in the war years' literature, the article explores how not only consolidation but clarification and extending both general and specific moments of life and destiny of Sverdlovsk in the years of war took place in the following decades. The main methods of philological reconstruction of the changing image of Sverdlovsk are historic-functional and genre methods. It is shown that the genre palette changes significantly: publicist prose, dominant in the war years, is complemented by the genre of oral narrative, literally processed or present in the author's version, as well as by a huge variety of memoirs and autobiographical literature. The main aims of these texts are imprinting and preservation of memory. It is noted that between the particular personal memory and the established system of state "politics of memory," a complicated dialogical relationship is created. It can be based on the principles of complete

⁵¹ Там же. С. 58.

⁵² Рябинин Б. Указ. соч. С. 140.

⁵³ Шагинян М. Урал в обороне // Урал грозный. С. 639.

⁵⁴ Хоринская Е. Е. Указ. соч. С. 85.

⁵⁵ Рябинин Б. Указ. соч. С. 157.

⁵⁶ Там же. С. 113.

understanding, when it comes to uniting around the slogan “All for the Victory”, or on the principles of important supplement, when witnesses of wartime everyday life in Sverdlovsk remember, what was the price for the Victory for them personally. Different genre optics, including variants of ego-documents, memoirs, fiction, and various generational and social identities of the actors create the multifaceted and integral image of Sverdlovsk, consisting at least of three components: appearance, way of life, and socio-psychological portrait of the city.

Keywords: *Sverdlovsk, evacuation, war, personal memory, oral testimony, memoirs, stories of wartime childhood*

REFERENCES

- Gramatchikova N. B. [Demtchenko I. N. (comp.). Uninvented Stories Prompted by Human Memory: 30, 40, 50s of the 20th Century in the Recollections of Children Having Grown Up Long Ago. Ekaterinburg: Autograph, 2013. 200 p.]. *Russkii Arkhiv*, 2015, vol. 7, iss. 1, pp. 64–72. DOI: 10.13187/ra.2015.7.64 (in Russ.).
- Snigireva T. A., Podchinenov A. V. [Oral Stories About the War (Based on the Book “The Main Role in Life...”). *Zapechatlennaya Pobeda: klyuchevyye obrazy, kontsepty, ideologemy (Literaturnyye sobytiya i fenomeny XX veka): materialy Mezhdunar. konf., posvyashchennoy 70-letiyu okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* [Imprinted Victory: Key Images, Concepts, Ideologemes (Literary Events and Phenomena of the 20th Century): Proceedings of the Inter. Conf. Dedicated to the 70th Anniversary of the End of Second World War]. Saint Petersburg; Voronezh: IRLI RAN; Voronezh. gos. un-t Publ., 2016, pp. 61–65. (in Russ.).
- Sozina E. K. [Autobiographical Narrative and Its Motifs in the Prose of Contemporary Ural Writers]. *Syuzhetno-motivnyye komplekсы russkoy literatury* [Plot-Motive Complexes of Russian Literature]. Novosibirsk: Akademicheskoye izdatelstvo “Geo” Publ., 2012, pp. 246–263. (in Russ.).
- Sozina E. K. [Tales of Childhood in the Modern Prose of the Urals]. *Detskaya literatura segodnya* [Children’s Literature Today]. Ekaterinburg: UrGPU Publ., 2010, pp. 108–118. (in Russ.).

Для цитирования: Снигирева Т. А. Свердловск военных лет глазами очевидцев // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 65–73. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-65-73.

For citation: Snigireva T. A. The War Years of Sverdlovsk Through the Witnesses Eyes // Ural Historical Journal, 2023, no. 3 (80), pp. 65–73. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-65-73.